

Фискаристом грустной мины
Выпал ветер из кабины;
Это он буровит зимы
Сладкой плотью древесины.
Новеллист – твоя история,
Мой сосед – создатель горя,
Ковыряет плоскогорья
Шумом моря.

Руки моет поезд в спальне
Горлом женщин или жён;
Бирюзовый умывальник
Богом был вообразён.
Русский мент – твоя подмога.
Расскажи про осень лет,

Где мычит сугроб-берлога,
Какого цвета пистолет –

Отгадаешь, мудр и светел,
Кто девчонка вон того!
Твой божественный свидетель
С фискаристом заодно.

у финского залива филин,
как мертвый мальчик на дельфине;
совсем не нужно утешать
мальчишку горе-корешам;

цепельских гвоздиков порядок,
идёт на производстве брак;
не тужат мужи, как телята,
и улицу целует град.

а ты приплыл; о, сдохший мальчик.
будто не сдох прокисший плач.
об муть калитки. это кальчик
забытых дач,

десяток умерщвлённых лейкой
лягушек лучших наших дней.
на автостанции скамейки
шугают крыс, как голубей.

Я дров король рассветом чурок,
Закатом батиных сапог.
Мой батя выплюнет окурок,
Которым переплюнет лог,
Где корни мусорного братства,
Где ДПС и ПМС
Снегами нюхают пространство
Уральских мест.
О, галстуки бы ткнуть в заборы.
При выбритых в окне узорах
Сосед лопатой гребет.
Пакеты вышивали небосвод,
Деревья гнулись
В объятиях грунтовых улиц.

...это не плед, но одеяло;
это не лышь, но чья-то боль;
это царевна несмеяна
отправит в царство бандероль;

это не ручки —
рукавицы;
эту любовь не пьёт жена;
твою звезду буровит птица
острой конечностью
крыла.

это не в пальмах,
но берёзы.
это не бег, но частый шаг
за странной жизнью, но не поздно
заставить город
не дышать.

в кромешный час,
крамольный вечер.
ваш муж, наверно, съит корою.
и даже я достану печень,
чтоб стать твоей бензопилою

...моргают лужи; наш отец
по утрам на заборах пишет;
он рисует дорожный знак
силой свыше.

двести точек, твоих.
от меня
вечно любящий полагается,

если ты не любил, то свинья,
если да, то не знаю.

помню, что в декабре зацветут
пирог из конфет карамельных.
если ты остаёшься тут,
то поверь мне;

или чаще бери из рук.
в перекличке квартир — диета;
дышит сыростью, как Муму
снегопад краевого балета.

ночь — день
самолёт перепева;
день, ночь
торжество без припева;
семь смен
для розжига крыш —

без перемен
вся эта жизнь;

точь-в-точь,
будто бы спишь;
день – ночь,
около лжи.
раз в год
валятся листья –
раз в век
горизонт пообвиснет,

и друг, и его проявленья
дорого нам
не твое одобрение;
и по руке
сто второго участка...
голосом пой –
это боль от лекарства.

горе пойдя,
пусть дурачатся роки
смех или грех?
а я выкинул нокиа
в тугое хайло.
от заката две спички
бьют по лицу
зачарованной вичкой.

дневное горе у Федоры,
как майский шарфик Айседоры.

густые мощи, как у Пашки,
зубные корни первоклашки;

червивый стан гниющих груш,
кричит глушак с эффектом стужи.

мужик тупит у банкомата,
ху...вый макияж плаката.

мятных жвачек перебор
не позволяет дёснам плыть

пылью желтеющих контор,
которых незачем любить.

Эти столбы – верёвки,
Выходы алых ламп.
Перегрызает бровки
Рыхлость оконных рам.
Улица многогранна.
Четверо тех придурков
Кидают в форточку камнем –
Падает штукатурка.
Эти ребята с водкой
(В ногу или не в ногу)
Типа идут в пилотках,
Типа не видя дорогу.
И водовозы Сани
Переезжают трупы,
Даже они кричали,
Что загорели трубы.
И вытекают лампы,
Алыми дурами корчась,
На перебитые рамы –
Перегорают ночью.